

Е. А. Долгова

«Маленькие» хлопоты «большого» переезда: жилищное обеспечение перевода Академии наук СССР из Ленинграда в Москву

Одним из самых значимых проектов в истории советской науки был перевод учреждений Академии наук СССР из Ленинграда в Москву во второй половине 1930-х гг. Единовременное перемещение научных работников разных квалификационных (академики, научные работники, вспомогательный персонал, молодые ученые) и дисциплинарных групп стало частью процесса изменения советской научно-технологической карты в ключевой для ее формирования и развития период.

В историографии, внимательной к данному сюжету¹ и увязывающей перемещение академических учреждений с политическими процессами конца 1920–1930-х гг.², завершением формирования «Большой Академии»³, ее централизацией и политизацией во второй половине 1930-х гг.⁴, не ставилась задача изучения практики реализации управленческих и организационных решений, существенно корректирующей властные установки. Конкретный сюжет раскрывался преимущественно на основе нормативной документации Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), дающей исчерпывающее представление о механизме принятия решений⁵; реже привлекалась низовая делопроизводственная документация (сметно-проектного характера, деловая переписка, комплекс докладных записок, статистика) в том числе из фондов Архива Российской Академии наук (РАН)⁶ и центральных учреждений Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Исследователей интересовали важные сюжеты из истории науки: централизация учреждений АН СССР, их струк-

Долгова

Евгения Андреевна

д-р ист. наук,
проф., вед. науч.
сотр., Российский
государственный
гуманитарный
университет
(Москва, Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
поддержке
Российского научного
фонда (РНФ), проект
№ 20-78-1009
«Советская наука как
индустрия: кадры,
инфраструктура,
организационно-
управленческие
практики
(1920–1970-е гг.)»

турная реорганизация, направления и проблематика научных исследований (их преемственность и трансформация). В этом отношении частные судьбы участников процесса и изучение их повседневности привлекали внимание ученых в меньшей степени. Однако именно указанный ракурс социальной истории науки является наиболее актуальным и востребованным. Предложенный для анализа конкретно-исторический сюжет (решение остро стоявшего «жилищного вопроса») в условиях его хронологической растянутости и корректировки конкретно-историческими обстоятельствами может быть вписан в «большие события» XX в. и обеспечивает персональный ракурс их рассмотрения.

«В связи с массовым переездом академиков»: проблема обеспечения жилплощадью

Постановлениями СНК СССР от 25 апреля и 14 июня 1934 г. о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву⁷ были перемещены (кроме Президиума, академических Комиссий по кадрам и базам) институты Биологической, Геологической, Химической и Физико-математической ассоциаций; Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). И хотя при переводе научных работников Академии рекомендовалось не переселять в Москву лиц, должностные обязанности которых могли исполнять сотрудники столичных учреждений⁸, только в первую очередь, по подсчетам В. Д. Есакова, вместе с научными учреждениями переехали около 300 высококвалифицированных специалистов, в том числе такие крупные ученые, как А. А. Борисяк, С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, И. М. Виноградов, В. А. Кистяковский, Н. С. Курнаков, Г. А. Надсон, В. А. Обручев, А. А. Рихтер, А. Е. Ферсман и др.⁹ Разумеется, их вынужденный переезд должен был быть обеспечен с социально-экономической и бытовой точек зрения. Комиссия во главе с С. И. Вавиловым, прорабатывающая вопрос жилищного обеспечения перевода, определила общую потребность жилого фонда в 1200 квартир¹⁰. В свою очередь, Ленсовету было передано 1426 м² жилого и квартирного фонда, освободившегося в связи с массовым переездом¹¹. Все перераспределения жилой площади контролировались, с одной стороны, Комиссией по разгрузке г. Москвы при СНК РСФСР и Ленсоветом — с другой. Аппарат во главе с помощником вице-президента А. Я. Флаумом занимался организацией мероприятий по переезду — ведением переговоров с Моссоветом о предоставлении зданий для размещения учреждений и сотрудников Академии наук, отвода участков для нового строительства в Москве и др.¹²

В Постановлении ЦК ВКП(б) от 13 июня 1934 г. уточнялись детали обеспечения жилой и квартирной площадью переехавших сотрудников АН СССР и ВИЭМ. В условиях остроты «жилищного вопроса» предполагалось разместить ленинградских ученых на жилплощади, изъятой у Народного комиссариата водного транспорта СССР (1-я Мещанская, 66/68), Института связи Народного комиссариата путей сообщения СССР (1-я Мещанская, 128/130), Народного комиссариата снабжения СССР (Большой Каретный пер., 17), Управления делами СНК СССР (Спиридоновка, 24¹³), Народного комиссариата

финансов РСФСР (Малая Бронная). В домах, строящихся для Госбанка СССР, Народного комиссариата тяжелой промышленности и Народного комиссариата связи СССР, на перспективу изымалось 11 100 м²⁴. Остальные квартиры ЦК партии предполагал получить за счет перевода в Ленинград отдельных неакадемических институтов и учреждений, главным образом гуманитарного профиля: Института повышения квалификации педагогов и Института новых языков Наркомпроса (М. Харитоньевский пер., 4); Финансово-экономического института (Бабушкин пер., 4); Научно-исследовательского института труда и санитарии Наркомздрава (Б. Пироговская, 11); Рыбного института и Института океанографии (Пятницкая, 33); Института внешней торговли и Института монополии внешней торговли Наркомвнешторга (ул. Горького, 56); Госпроекта Наркомснаба СССР (ул. Ильинка, 6); Гипрогора Наркомхоза (Ипатьевский пер., 2 и в Деловом Дворе); Промстройпроекта НКТП (Б. Черкасский пер., д. 2 и 10 и Спасо-Голенищенский пер., 8); Гипродрева Наркомлеса (Рыбный пер., 3); Горстройпроекта НКТП (Мясницкая, 8); Сантехпроекта Наркомтяжпрома (ул. Владимирова, 2 и ул. Ильинка, 2/5); Цемпроекта (Большой Черкасский пер., 7/8); Союзводостроя НКТП (Никольская, 12); Союзстромстроймашина (Воронцова ул., 1/3); Союзлесобуммашина (Мясницкая, 24); Научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии (Юшков пер., 6); Водоканалпроекта (район Лефортово)¹⁵. Проведенный В. Д. Есаковым подсчет показал, что в них работали 5154 человека¹⁶.

Известие об изъятии жилой площади и переводе учреждений было воспринято с неудовольствием. В документах Политбюро ЦК ВКП(б) отмечалось нежелание со стороны московских учреждений выполнить постановление о переезде. Некоторые руководители оказывали «прямое сопротивление» и саботировали указания¹⁷. Другие обращались в курирующие их наркоматы (например, об оставлении Института монополии внешней торговли в Москве ходатайствовал НКВторг, просьба была отклонена¹⁸). Курьезный случай связан со зданием Научно-исследовательского института труда и санитарии Наркомздрава на Большой Пироговской, 11. В исходном документе была допущена ошибка, и под категорию «жилого здания» попало помещение засекреченной центральной санитарно-химической лаборатории¹⁹. «По ознакомлении комиссии на месте» было принято решение подобрать для выселения другое «равноценное» помещение. Госбанк в связи с тяжелым положением с жильем ходатайствовал перед Комиссией по разгрузке г. Москвы о том, чтобы для нужд Академии у него был изъят не весь строящийся дом, а только 50 % его жилой площади²⁰.

В Архиве РАН сохранились списки распределения квартир Академии наук СССР²¹. Приведенные рядом с именами жильцов их квалификационные характеристики позволяют судить о назначении зданий. Например, в отдаленных от центра домах на 1-й Мещанской ул. (ныне — Проспект Мира, д. 128/130 и 90/96) были выделены комнаты для молодых ученых и аспирантов²². Вместе с тем в доме 56 по ул. Горького (ныне — Тверская) квартиры получили академики (В. Л. Комаров²³, И. М. Виноградов и А. Д. Архангельский). В упомянутом списке напротив одного из адресов (Спасо-Глинищевский пер., 9) сделана помета:

«Памирской экспедиции»²⁴ (1928, под руководством Н. П. Горбунова и Вилли Рикмера Рикмерса). Однако это указание — один из немногих случаев целевого размещения специалистов, в основном жилая площадь распределялась в индивидуальном порядке (у сотрудников одной лаборатории в цитируемом архивном деле указаны разные адреса).

Многие квартиры выделялись в новостройках, возведенных в начале 1930-х гг. Так, заселенным оказался Дом Совнаркома, располагавшийся по адресу: Спиридоновка, 24 (1933 г. постройки, на месте разрушенной в 1932 г. церкви Св. Спиридония). Это был неплохой экспериментальный дом в пять этажей с интересным по исполнению угловым фасадом, верхняя часть которого декорирована барельефом с изображенными на нем аллегорическими фигурами Техники, Науки и Искусства. При строительстве здания использовалась новая на тот момент технология тепlobетона. В результате распределения квартир с историей здания оказались связаны имена известных ученых, среди которых палеонтолог А. А. Борисьяк, физики Б. М. Вул и С. И. Вавилов, химик В. Г. Хлопонин, ботаник А. А. Рихтер, зоолог С. А. Зернов и др. От последнего жильца остался любопытный документ — замечания к предоставленной жилплощади. Академик С. А. Зернов сравнивал новую квартиру в Доме Совнаркома с бывшей, ленинградской, в Доме академиков (7-я линия В. О., 2)²⁵. Автор документа отмечал «недопустимо низкие комнатки» (в сравнении с квартирой на Васильевском острове), проблему шумоизоляции («в старинном доме на 7-й линии, где внутри каждой квартиры имеется коридор с двумя капитальными стенами, возможна полная звуковая изоляция ряда комнат... На Спиридоньевской (так!) улице слышно все, что делается в соседней квартире, все, что на парадной лестнице, все пение и музыку на первом и втором этажах»). Наконец, непривычным стало и отсутствие камина («печурки») при наличии «только газовых плит, которые сами по себе весьма хороши». Мешал в конкретной квартире и шум насосного побудителя центрального отопления в холодную погоду, и нависающий балкон, препятствующий дневному свету. Перечисляя эти недостатки, С. А. Зернов был готов к замене предоставленной жилплощади. Отметим, что в документе нашел отражение не «каприз» научного работника. От этой же квартиры (вследствие шума и недостатка света) ранее отказался и проживавший в ней короткое время академик В. А. Кистяковский, директор вновь образованного Коллоидно-электрохимического института АН СССР²⁶. Не прожившись в Доме Совнаркома, последний переехал на ул. Петровку, 3/5, где получили жилплощадь В. В., В. А. и Д. В. Обручевы, А. Е. Фаворский, Н. И. Вавилов, Б. А. Келлер, В. Ф. Миткевич, М. А. Павлов, И. В. Гребенщиков, В. А. Энгельгард²⁷.

Конечно, в одномоментном вынужденном переезде было мало душевной радости и много служебной необходимости. Если жизнь С. А. Зернова не была тесно связана с Ленинградом, то у многих научных работников факт переезда вызывал острое неприятие, сопряженное с разрывом семейной традиции, изменением привычного ландшафта и круга знакомств. Так, по воспоминаниям О. А. Толмачевой, когда в 1935 г. Президенту АН СССР А. П. Карпинскому задали вопрос, где он хотел бы жить в Москве, он ответил: «Неважно, лишь бы окна были на Неву»²⁸. В письме о поездке Н. И. Бухарина в Ленинград для переговоров

с А. П. Карпинским отмечалось, что у ряда академиков и профессоров проявлялось стремление уклониться от переезда в Москву²⁹. Впрочем, не всех и приглашали к переезду: как подчеркнул Ф. Ф. Перченков, «эта перестройка... была использована для “кадрового усиления” АН: для нового пересмотра людского состава, смены начальства, сортировки лиц и научных подразделений по рангам и категориям, для перетягивания “в центр” наиболее значимых лиц и структур»³⁰.

Научная столица: академический ландшафт в Генеральном плане реконструкции г. Москвы

Однако замысел перевода Академии наук СССР в Москву был гораздо амбициознее простого обмена жилплощадью между академическими и ведомственными учреждениями: строительство архитектурного комплекса обновленной Академии с обеспечивающей ее функционирование инфраструктурой стало важным вектором синхронно разворачивающегося Генерального плана реконструкции г. Москвы (1935)³¹. Строительство «московского» комплекса оказалось дорогим проектом, вследствие чего произошло свертывание капитального строительства в Ленинграде (в том числе домов для аспирантов и научных сотрудников). Высвободившиеся средства и материалы в сумме 4404 тыс. руб. были направлены на капитальные работы в Москве³².

Согласно протокольному Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 июня 1934 г. «О размещении в г. Москве учреждений Академии Наук СССР и ВИЭМ» (п. 6), президиуму Моссовета было поручено отвести участки под развертывание строительства Академии наук в районе Большой Калужской улицы (ныне — Ленинский проспект)³³. Техническая документация детализирует его границы: был отведен участок в 25 га по Крымской набережной, 35 га до Большой Калужской улицы, 400 га за Окружной железной дорогой по Калужскому шоссе. Таким образом, комплекс оказался бы расположен в одном (вновь отстраиваемом, юго-западном) районе Москвы — в южной части по Калужской магистрали, которая превратилась бы в проспект Академии наук. К району с двух сторон предполагалось подвести метро — одну ветку около Крымского моста, а другую — около Воробьевых гор³⁴. Вся территория разбивалась на пять отдельных участков (внутренние коммуникации должны были совершаться по проспекту собственным автомобильным транспортом — автобусами, которые обслуживали бы все здания³⁵).

На первом участке, на берегу Москвы-реки, рядом с Парком культуры и отдыха, напротив проектируемого Дворца Советов, должно было быть построено Главное здание Академии наук³⁶, Библиотека³⁷, музеи (геологический и этнографический), институты Отделения общественных наук. Второй участок, расположенный напротив Нескучного сада, предназначался для строительства жилых домов научных работников Технической группы (1200 квартир). Третий участок — на Большой Калужской улице — предназначался для строительства зданий Энергетического института, Института технической механики, Института физико-математической группы, Геофизического института. Наиболее

заселенным планировался четвертый участок по Калужскому шоссе, расположенный на южных склонах Воробьевых гор. Он был «здоровым и красивым», частично покрытым лесом. На этом участке предполагалось разместить Химическую и Биологическую группы с экспериментальными помещениями, Ботанический сад, Зоологический и Ботанический музей, Издательство, дома научных работников, сотрудников предприятий и аспирантов, гараж на 420 машин. Поскольку четвертый участок находился в необжитой части города, был поставлен вопрос об ускорении работ по канализированию, устройству водопровода, электроцентрали, газификации и дорожной сети. Сроки ввода в эксплуатацию этих строек были увязаны со сроками строительства объектов Академии наук — центробразующего предприятия юго-запада Москвы³⁸. На пятом участке, расположенном в Пыжевском и Старомонетном переулке, размещались институты Почвенной группы³⁹. Генеральный план предусматривал полную реконструкцию существующих зданий, оформление построек в единый архитектурный комплекс нового типа: в основу был положен новый принцип комплексно-квартальной застройки, в которую одновременно вводилась вся инфраструктура, а также образовательные и культурные учреждения. Для намеченного плана строительства было необходимо освободить территорию — выселить с отведенных Академии наук СССР участков 7 тыс. местных жителей (взамен им предоставили квартиры в домах на Калужском шоссе⁴⁰), снести 224 строения, в том числе 13 мелких предприятий⁴¹.

Для размещения работников учреждений Академии наук СССР «первой очереди» было запланировано форсированное строительство архитектурного комплекса, состоящего (в части жилой инфраструктуры) из домов для научных работников, для работников предприятий Академии наук, отдельного здания для аспирантов и здания, предназначенного для «гостиницы-общежития» повышенной комфортности⁴². Согласно протокольному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), реализация плана строительства должна была уложиться в пять лет с поэтапной сдачей помещений (таблица)⁴³. В первую очередь должны были быть построены четыре жилых дома на 900 квартир с общим объемом примерно в 600 м³ и ориентировочной стоимостью в 70 млн руб. (стоимость кубометра 75 руб.)⁴⁴. В 1936 г. должно было быть сдано в эксплуатацию около 100 квартир (дом на Садовой-Земляном Валу). К концу 1937 г. предполагался ввод в эксплуатацию еще около 200–250 квартир. В дальнейшем ежегодно должно было выстраиваться около 300–350 квартир⁴⁵. Завершение строительства было запланировано на 1940 г.

Речь шла о строительстве социально стратифицированного, комфортного жилья с отдельными квартирами. В проекте застройки жилого комплекса Академии наук СССР в Москве из предлагаемых к строительству 1120 квартир уточнялась разверстка: двухкомнатных — 15%, трехкомнатных — 45%, четырехкомнатных — 30%, пятикомнатных — 5% и шестикомнатных — 5%⁴⁶. Архитектором А. В. Щусевым была проработана ячейка квартиры и определена ее площадь: для пятикомнатной — 115,4 м² (плюс отдельная, светлая комната для домашней работницы в 8 м² рядом с кухней); для четырехкомнатной — 91,37 м², для трехкомнатной — 66,47 м² и для двухкомнатной — 46,45 м²⁴⁷. Все квартиры

Ориентировочный генеральный план нового строительства

Назначение	Месторасположение	Время начала и окончания строительства	Общая площадь, м ²	Общая кубатура, м ³
Дома для выселяемых	Калужское шоссе, участок 4	1936 / 3-й квартал 1938	75 000	495 000
Возмещение расходов по сносу предприятий	—	—	—	—
Дома для научных работников	Большая Калужская улица, второй, четвертый, пятый участки	1935/1940	87 000	675 000
Дома для работников предприятий АН	Большая Калужская улица, четвертый участок	1937/1938	—	31 580
Дома для аспирантов			—	18 000
Гостиница-общежитие			—	24 000
Здание для подготовки кадров			—	15 000
Оборудованных жилых зданий (10%) с общей суммы 61 м ²	—	1935/1939	—	—
Итого по жилым зданиям	—	—	—	—
Всего по новому строительству в Москве	—	—	—	—

Источник: Архив РАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

должны быть оборудованы центральным водяным отоплением, газом, вытяжной вентиляцией, иметь мусоропроводы, холодильники и кладовые, ванны комнаты с душами, горячее водоснабжение с местной установкой котлов при возможном использовании в течение шести часов. В квартирах предусматривались высокие потолки (3,5 м), паркетные полы, в уборных, ваннх и кухнях — метлахские плитки и панели. Десяти- и шестизэтажные кирпичные здания должны были быть оборудованы лифтами. В комплексе предполагалось наличие собственной инфраструктуры: детский сад и ясли, столовая, механическая прачечная, почта и телеграф, амбулатория на 180 посещений в день, клуб, хозяйственные и административные помещения (комендант, канцелярия, ремонтная мастерская, комнаты истопников, монтеров, дворников)⁴⁸. Проект создавал образ стабильности, иллюзию достатка и покоя, пропагандировал внимание к эмоциональной, досуговой, потребительской сфере быта. В этом

Академии наук СССР в Москве в 1936–1941 гг.

Ориентировочная стоимость 1 м ³ , руб.	Ориентировочная стоимость всего строительства, тыс. руб.	Ориентировочная стоимость строительства, тыс. руб.					
		1935	1936	1937	1938	1939	1940
75	34 650	–	11 655	20 000	2 995	–	–
–	2 000	–	500	1 500	–	–	–
80	54 000	1 000	4 438	15 000	15 000	16 000	2 562
70	2 210	–	–	1 500	710	–	–
80	1 440	–	–	740	700	–	–
80	1 920	–	–	1 000	920	–	–
80	1 200	–	–	1 000	200	–	–
–	6 110	110	200	2 000	2 500	1 300	–
–	103 530	1 110	16 793	42 740	23 025	17 300	
–	494 260	6 210	33 347	127 725	143 657	142 845	40 476

плане он вполне вписывался в архитектурные (градостроительные) тенденции середины 1930-х гг.⁴⁹

Однако почти сразу проект подвергся критике. Так, 13 декабря 1935 г., заслушав доклад А. В. Щусева об архитектурных формах, которые должны были быть положены в основу проектирования как главного здания, так и других зданий Академии, Президиум АН СССР попросил подготовить сообщение об американских архитектурных формах строительства научных учреждений⁵⁰. В особом мнении академика А. Е. Ферсмана, поданном в Управление строительства АН СССР с копией непременно секретарю Н. П. Горбунову 15 февраля 1936 г., отмечалось, что «планы неудовлетворительны, так как не отвечают современным требованиям культурного и хозяйственного быта». А. Е. Ферсман приводил в пример проекты известных образцовых домов-квартир (в Гамбурге, особенно останавливаясь на популярных в те годы проектах архитектора

Э. Мая⁵¹). В «московском» варианте отсутствовали межквартирные террасы и общие холлы (в проектах Э. Мая связующую роль выполняли зимние сады), балконы; при кухнях не предусмотрены хозяйственные кладовые (в гамбургских домах кухонные кладовые были связаны с комнатами-ледниками); до минимума жилой площади (8,25 м²) следовало довести комнату домработницы, наконец, отсутствовали и мелкие, но важные детали — например, двойные двери в кабинете⁵². Автор документа резюмировал: «Надо хоть один дом построить образцово, как образец нового типа стройки, а не банальных схем со скверной передней с 6 дверями»⁵³. Собственно, в отзывах присутствовали комментарии общего характера, озвученные в ходе градостроительных дискуссий тех лет (критика «коробочного» жилья в противовес его соответствию социальному содержанию⁵⁴). В замечаниях к программе отмечалось, что представленные проекты «домов для академиков» имели характерные черты «стандартных доходных домов», были «довольно скучные и однообразные». Их было очень трудно подвергать обсуждению («в них нет ничего плохого, как и ничего хорошего, ничего оригинального»). Ленинградские ученые печально констатировали: «Все вложено в существующие нормы (7–8 на квадратный метр)»⁵⁵. В этом отношении, для ленинградцев оказались не вполне привычны нормы московского обеспечения жилой площадью⁵⁶.

В Москве, где «жилищный вопрос» остро стоял на протяжении всего предвоенного периода даже перед относительно привилегированными научными и педагогическими работниками⁵⁷, освобождающаяся жилая (и тем более квартирная) площадь оказывалась в центре ожесточенных споров профсоюзной организации Секции научных работников и Моссовета, нередкими были факты стихийного занятия квартир и выдачи ордеров «вне очереди». Так, в строящемся доме 13 по Большой Калужской (архитектор А. В. Щусев, он же — один из жильцов), предназначенном для действительных членов Академии наук СССР, еще в 1939 г. 23 квартиры оказались переданы Наркомату обороны⁵⁸ (в числе жильцов — В. И. Чуйков, А. Ф. Хренов).

Конечно, в таких условиях новость о строительстве целевого комплекса зданий вызвала ряд ходатайств о предоставлении жилплощади. Читая эти прошения, нельзя не проникнуться их настроением. Например, пушкинист С. М. Бонди писал: «Я живу в комнате в 12 кв. метров вдвоем с женой-пианисткой. Мне негде поставить письменный стол, положить книги. В этой же комнате, где я работаю, моя жена занимается со своими учениками. Я живу в условиях, почти совершенно исключающих возможность какой бы то ни было научной работы». Обращаясь 3 марта 1937 г. в Президиум АН СССР с просьбой предоставить квартиру в «строящемся академическом доме», ученый апеллировал к юбилею смерти А. С. Пушкина и к своим обязательствам по поводу участия в юбилейном издании сочинений поэта⁵⁹. Таких ходатайств было много: их удовлетворение способствовало «смешению» московских и ленинградских ученых. В ансамбле жилых домов на Большой Калужской, построенных по индивидуальным проектам, во второй половине 1930-х — 1940-е гг. получали отдельные квартиры как ленинградские, так и московские высокопоставленные научные работники.

«В целях скорейшей сдачи»: строительство и сроки

Однако не всем научным работникам удавалось сразу получить жилплощадь. Вопреки установкам на форсированное строительство в 1940 г., комплекс АН СССР до войны закончен не был. Причиной этому был целый ряд факторов. Во-первых, сама реализация Плана генеральной реконструкции г. Москвы предполагала всеобщую синхронную стройку, но для такого предприятия не хватало материалов и рабочих рук (План не был реализован: в общих чертах сталинская реконструкция Москвы была осуществлена уже в 1940–1950-е гг.). Во-вторых, все-таки для такого масштабного строительства пять заявленных лет были явно недостаточным сроком. От выделения участков для строительства, оформления их передачи, серии проектных, подготовительных и основных работ до сдачи домов и их заселения должно было пройти гораздо больше времени. В-третьих, организацию строительства тормозили делопроизводительная волокита, начиная от несвоевременного предоставления участков до проблем с застройщиком (в марте 1937 г. даже ставился вопрос о расторжении договора с Мосжилстроем и передачи достройки дома на Садовой-Земляном Валу Управлению капитального строительства АН⁶⁰).

Строительство последнего жилого комплекса (Садовая-Земляной Вал, 21–23) стало особенно проблемным для Академии наук: хотя эти «сдвоенные дома» в настоящее время являются украшением столицы. В сохранившейся переписке Академстроя и Моссовета отмечался недостаток строительных материалов («нет леса, алебаstra и извести»), нехватка рабочих рук («по плану стройка должна иметь около 400 человек, фактически — 170–180 человек»), неточности в исходных чертежах⁶¹. В силу этих причин сроки строительства срывались. Как отмечалось в письме Президиума АН СССР (за подписью вице-президента акад. И. М. Губкина) от 15 сентября 1937 г., «переведенные из Ленинграда десятки семей научных работников в течение ряда лет лишены жилплощади, ютятся в летних данных помещениях, в углах, лабораториях. Невыносимое тяжелое положение этих работников и их семей вызывает негодование академической общественности, тем более справедливое, что руководители Мосжилстроя и Управления жилищным строительством Моссовета недопустимо затягивают строительство, не только удорожают его, но и срывают мероприятия по переводу Академии наук в Москву. Создается впечатление, что, несмотря на исключительное внимание правительства к переводимым работникам, Академия наук не в состоянии удовлетворить их элементарных потребностей в жилье»⁶². В 1937 г. «ввиду чрезвычайно острого недостатка жилплощади для научных сотрудников Академии наук, переведенных из Ленинграда», Президиум АН СССР запросил у председателя Моссовета Н. А. Булганина разрешения заселить три секции (4,5 и 6) досрочно, не ожидая отделки фасада и окончания работ по остальным трем секциям⁶³.

В разгар конфликта, в сентябре 1937 г., в дело вмешался архитектор дома И. З. Вайнштейн, направивший председателю СНК В. М. Молотову письмо следующего содержания⁶⁴:

Уважаемый Вячеслав Михайлович!

По моему проекту строится жилой дом для Академии наук на Садово-Земляном Валу № 21 в Москве. Строительство начато еще в 1932 году, но до сего времени не закончено.

Несмотря на это, сейчас производится приемка части здания для сдачи в эксплуатацию 3[-х] жилых секций, в том время как остальные три секции и фасады всего дома совершенно не отделаны. Больше того, в целях скорейшей сдачи указанных трех секций некоторая часть проделанных до сего времени работ, относительно хорошего качества, сейчас уродуется тем, что окончание этих работ производится «кое-как», без желания сдать высококачественное здание. Так, например, скобяные изделия ставятся отвратительного качества, некоторые квартиры сдаются без соответствующего оборудования (отсутствуют смесители в ваннных, души, в кухнях, вместо моек, устанавливаются умывальники, поставленное же оборудование весьма низкого качества).

Красивые и дорогие парадные двери изуродованы низким качеством ручек и петель к ним. Вместо зеркального стекла и медных решеток для дверей поставлено простое стекло без решеток. Точно такого же низкого качества — электроарматура и прочие детали. А вместе с тем этим мелочи и создают те неудобства, которые делают квартиры неудовлетворительными.

Я, как автор дома, категорически протестую против сдачи незаконченного и не доведенного до высокого качества здания, так как это не только противоречит постановлению Совнаркома, но и создает невозможные условия для жильцов, вселяемых в незаконченный дом.

Все квартиры жильцов впоследствии будут окружены лесами для оштукатурки фасадов, и с этих лесов будет нестись в квартиры пыль, строительный мусор, грязь, неизбежно битье стекол, невозможно открывать окна для проветривания квартир и т. д. и т. п.

Я полагаю, что такие условия меньше всего соответствуют сталинскому лозунгу заботы о живом человеке.

14 августа с[его] г[ода] я писал об этом Н. А. Булганину и председателю Моссовета тов[арищу] Сидорову И. И., но, несмотря на это, приемка здания все-таки производится.

Еще раз категорически возражаю против вселения жильцов в незаконченный дом, убедительно прошу Вас, уважаемый Вячеслав Михайлович, дать соответствующие указания, ибо я, как автор проекта, являюсь председателем предварительной приемочной комиссии.

Архитектор *И. З. Вайнштейн*

В условиях срывающихся сроков по переводу учреждений Академии наук СССР из Ленинграда в Москву на второй план отошли беспокоящие И. З. Вайнштейна красота парадных дверей и качество фурнитуры. В конечном итоге Мосжилстрой обязали сдать к 25 сентября 1937 г. три секции здания (51 квартиру) и завершить строительство оставшихся к 1 декабря 1937 г. Однако и эти сроки оказались затянуты: Президиум АН СССР, рассчитывая приступить к заселению дома в августе-сентябре, наметил предоставление там квартир более 150 научным сотрудникам, «которые в ожидании жилплощади сорвали свои отпуска, не устраивают своих детей школьников в школы другого района города». В документе отмечалась «очень тяжелая обстановка, требующая немедленного разрешения»⁶⁵. Дом, в конечном итоге, под сильным давлением был сдан в 1937 г. В числе его жильцов (уже в послевоенный период) были историк Р. Ю. Виппер, астроном В. Г. Фесенков, геолог Н. С. Шатский и авиаконструктор П. О. Сухой.

Другой же комплекс Академии наук СССР — на Большой Калужской улице — до войны завершить не успели. На 1940 г. на Б. Калужской, 13 было

заселено пять секций — 87 квартир, заканчивалось строительство шестой секции — 14 квартир, находились в процессе строительства седьмая и восьмая секции — 26 квартир⁶⁶.

Послевоенный период внес весьма существенные коррективы как в принятые партийно-государственные решения о строительстве Академии наук в Москве, так и в разработанные проекты зданий академических учреждений.

Заключение

Учет особенностей размещения и различия социально-экономического обеспечения научных работников Академии наук СССР, переведенных во второй половине 1930-х гг. из Ленинграда в Москву, является ключевым сюжетом социальной истории советского научного сообщества — его «материального мира», статусной и дисциплинарной дифференциации, взаимодействия с властью в условиях разворачивания «больших проектов».

Изменение научно-технологической карты в сторону ее централизации, связи с практикой социалистического строительства и укрепления плановости стало составной частью формирования «Большой Академии». Однако характеристика бытового обеспечения перевода Академии наук СССР (на примере решения «жилищного вопроса») демонстрирует трудности оперативного осуществления планов размещения в Москве научных учреждений с целью их централизации. Правительственное решение вступало в противоречие с социально-бытовой практикой и конкретными проблемами, существовавшими в столице в исследуемый период: именно в Москве общегражданская норма была минимальна, а квартирный вопрос стоял наиболее остро. В этом отношении «механический» обмен площадями с точки зрения кратковременной перспективы можно оценивать скорее как деструктивный: переезд ломал привычную социально-бытовую обстановку научных работников и создавал трудности адаптации, не способствующие эффективности научной работы. Хотя, конечно, речь шла о межстоличном переезде: в этом отношении адаптационные процессы были не такими болезненными, как в случае центр-периферийных отношений.

С точки зрения визуализации, будучи вписан в Генеральный план реконструкции г. Москвы, проект должен был способствовать формированию архитектурного облика обновленной столицы. Указанный архитектурный проект был смелым и масштабным, но дорогим и не вполне продуманным в своем исходном замысле и последующем исполнении. По меткому выражению Ф. Ф. Перченка, «намерения и решения, как водится, не удалось осуществить в чистом виде и в полной мере»⁶⁷. Форсированный характер реализации проекта имел следствием исходные ошибки в проектной документации, делопроизводственную и ведомственную неразбериху, срыв плановых сроков и, как следствие, ухудшение качества выполняемых работ. Мобилизационная составляющая задуманного предприятия усугублялась дефицитом (рабочих рук и материалов) в условиях реализации Генерального плана реконструкции г. Москвы. Это наложило отпечаток на исполнение проекта. Однако с точки зрения долговременных

структурных последствий нельзя не признать, что проект обеспечил формирование образа социалистической науки, визуализировав Академию как центральный и решающий элемент ее организационной структуры.

¹ Летопись Российской Академии наук. Т. 5: 1935–1950 / отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2020; *Тункина И. В.* Архив РАН и перевод Академии наук в Москву в 1934 г. // Миллеровские чтения-2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб., 2018. С. 115–123; *Есаков В. Д.*: 1) Штаб советской науки меняет адрес // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67, № 9. С. 840–848; 2) Переезд Академии наук в Москву // Москва научная: сб. статей / ред.-сост.: Е. А. Беляев, С. С. Илизаров. М., 1997. С. 452–467; *Митрякова Н. М.* Переезд в Москву // Вестник АН СССР. 1974. № 2. С. 114–120.

² *Перченко Ф. Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР. М., 1995. С. 201–235.

³ *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском союзе. М., 2020.

⁴ *Graham L. R.* Science in Russia and the Soviet Union: A Short History. Cambridge, 1981.

⁵ Важнейшие публикации документов: Есаков В. Д. Штаб советской науки меняет адрес. С. 840–848; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991. Т. 1: 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М., 2000.

⁶ Актуализирована: *Тункина И. В.* Архив РАН и перевод Академии наук в Москву в 1934 г. // Миллеровские чтения-2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб., 2018. С. 115–123.

⁷ Собрание законов СССР. 1934. № 22. Ст. 175.

⁸ *Есаков В. Д.* Штаб советской науки меняет адрес. С. 840–848.

⁹ *Есаков В. Д.* Переезд Академии наук в Москву. С. 464.

¹⁰ Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 387. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

¹¹ По состоянию на 5 апреля 1935 г. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. А-259. Оп. 19. Д. 136.

¹² *Тункина И. В.* Архив РАН и перевод Академии наук в Москву в 1934 г. С. 117.

¹³ В этом же доме отводилось 15 квартир под квартиры работников ВИЭМ, им же передавался особняк Моссовета на Воронцовом поле площадью 800 м² (12 квартир).

¹⁴ *Есаков В. Д.* Штаб советской науки меняет адрес. С. 844–845 (О квартирах для Академии наук и ВИЭМ); Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. Т. 1. С. 143–146.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Есаков В. Д.* Переезд Академии наук в Москву. С. 462.

¹⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. Т. 1. С. 158.

¹⁸ Там же. С. 155.

¹⁹ Там же. С. 153.

²⁰ Там же. С. 146.

²¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 480.

²² Там же.

²³ Там же. Д. 481. Л. 41.

²⁴ Там же. Д. 480.

²⁵ Там же. Ф. 387. Оп. 2. Д. 2. Л. 2–4.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 480. Л. 4; Д. 481. Л. 41.

²⁸ *Толмачева О. А.* Карпинские — Толмачевы — Дом // Дом академиком: история и судьбы / рук. проекта, авт.-сост. В. Б. Наумов. СПб., 2016. С. 235.

²⁹ Там же. С. 162.

³⁰ *Перченко Ф. Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке... С. 228.

³¹ Москва реконструируется: Альбом диаграмм, топосхем и фотографий по реконструкции г. Москвы / Ин-т изобразительной статистики советского строительства и хозяйства ЦУНХУ Госплана СССР; ред. В. М. Горфункель; сост. И. П. Иваницкий. М., 1938.

³² *Тункина И. В.* Архив РАН и перевод Академии наук в Москву в 1934 г. С. 117.

³³ *Есаков В. Д.* Штаб советской науки меняет адрес. С. 844 (публикация документа «О размещении в г. Москве учреждений Академии Наук СССР и ВИЭМ»). О детализации границ участка см.: *Летопись Российской Академии наук.* Т. 5. С. 43 (5 мая 1935 г.), 64 (17 авг. 1935 г.).

³⁴ АРАН. Ф. 387. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.

³⁵ Там же.

³⁶ О проекте Главного здания (описание А. В. Щусева) см.: *Летопись Российской Академии наук.* Т. 5. С. 263–264.

³⁷ *Елкина Н. Н., Громова О. А.* Несостоявшееся новоселье: как БАН (Библиотека Академии наук) едва не переехала в Москву // *Библиотечное дело.* 2003. № 2 (2). С. 10–12.

³⁸ АРАН. Ф. 387. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

⁴¹ Там же. Д. 23. Л. 3.

⁴² Там же. Д. 12. Л. 5.

⁴³ *Есаков В. Д.* Штаб советской науки меняет адрес // *Вестник Российской академии наук.* 1997. Т. 67, № 9. С. 844 (публикация документа).

⁴⁴ Архив РАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 9.

⁴⁶ Там же. Д. 2. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

⁴⁹ *Селиванова А.* Постконструктивизм: власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М., 2018. С. 21–22, 66.

⁵⁰ *Летопись Российской Академии наук.* Т. 5. С. 79 (13 дек. 1935 г.).

⁵¹ *Коньшева Е. В.* Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток: документы и материалы. М.: Буксмарг, 2017. С. 34–83.

⁵² АРАН. Ф. 387. Оп. 2. Д. 2. [Без пагин.].

⁵³ Там же.

⁵⁴ Наши задачи // *Академия архитектуры.* 1934. № 1–2. С. 4; Мы должны строить самые красивые, самые благоустроенные здания в мире: письмо-обращение московских архитекторов // *Строительство Москвы.* 1934. № 10. С. 3–4. В одном из проектов строительства Дома научных работников в г. Омске в 1936 г. содержалась критика похожего характера: «Архитектурное оформление страдает аскетичностью и непроработанностью деталей... оформление первого этажа напоминает скучное оформление казарм — не чувствуется здесь, что за стенами будут жить работники научного труда» (ГА РФ. Ф. А-7790. Оп. 1. Д. 450. Л. 82). Подробнее об этом (с приложением чертежей и планов) см.: *Долгова Е. А.* Квартирный вопрос для научных работников: от Дома-коммуны к жилищному кооперативу // *Известия Уральского федерального университета.* Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 152–155.

⁵⁵ АРАН. Ф. 387. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

⁵⁶ Само понятие общегражданской жилой нормы (8,25 м²) имело территориальные различия. Так, в Москве в середине 1920-х гг. приходилось 5,3 м² на одного жителя, в Ленинграде норма пользования жилой площадью на одного человека равнялась 12 м². См.: *Канчеев А. А.* Бюджетное обследование научных работников // *Научный работник.* 1925. № 3. С. 121.

⁵⁷ *Долгова Е. А.* Квартирный вопрос для красной профессуры // *Родина: российский иллюстрированный журнал.* 2017. № 8. С. 122–125.

⁵⁸ ГА РФ. Р-5446. Оп. 44. Д. 1136. Л. 10 об.

⁵⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 185. Л. 7.

⁶⁰ Там же. Д. 171. Л. 22.

⁶¹ Там же. Ф. 387. Оп. 1. Д. 32.

⁶² Там же. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 120. Л. 6–8.

⁶³ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 120. Л. 3.

⁶⁴ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 120. Л. 4–4 об. Подлинник. Автограф. Документ публикуется с сохранением стилистических и речевых особенностей.

⁶⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 120. Л. 11.

⁶⁶ ГА РФ. Р-5446. Оп. 44. Д. 1136. Л. 10 об.

⁶⁷ Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке. С. 228.

Статья поступила в редакцию 7 октября 2021 г.

Рекомендована к печати 8 мая 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Долгова Е. А. «Маленькие» хлопоты «большого» переезда: жилищное обеспечение перевода Академии наук СССР из Ленинграда в Москву // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 3. С. 726–741. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.313>

Аннотация: В статье характеризуется социально-бытовое обеспечение одного из значимых проектов в истории советской науки — перевода учреждений Академии наук СССР из Ленинграда в Москву в 1930-е гг. Перемещение учреждений АН СССР и связанных с ними групп научных работников стало важным вектором изменения географии советской научно-технологической карты в ключевой для ее формирования и развития период. Изменение научно-технологической карты в сторону ее централизации, связи с практикой социалистического строительства и укрепления плановости трактуется как составная часть процесса формирования «Большой Академии». Учет особенностей распределения жилого и квартирного фонда, различия социально-экономического обеспечения различных квалификационных (академики, научные работники, научно-вспомогательный персонал, молодые ученые) групп является любопытным сюжетом социальной истории советского научного сообщества — его «материального мира», внутренней дифференциации, взаимодействия с властью в условиях разворачивания «больших проектов». Особый интерес в этом отношении представляет дисциплинарный ракурс — обеспечение ассоциаций Академии наук СССР «первой очереди» (геологические, биологические, химические и физико-математические науки) жилой площадью в Москве за счет перевода в Ленинград неакадемических научных учреждений гуманитарного профиля. Предложенный для обсуждения конкретно-исторический сюжет интересен и с точки зрения истории архитектуры: проект застройки жилого комплекса Академии наук СССР в Москве был важной частью Генерального плана реконструкции г. Москвы (1930–1950), он способствовал формированию архитектурного облика мировой «научной столицы». Исследование подготовлено на материалах Архива Российской академии наук, Государственного архива Российской Федерации, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Академия наук, СССР, научные работники, быт, жилищный вопрос, неравенство, архитектура, Генеральный план реконструкции, Москва.

Сведения об авторе: Долгова Е. А. — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия); medievalis@list.ru

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6

FOR CITATION

Dolgova E. A. “Small” Troubles of “Big” Movement: The Housing Issue During the Transfer of the USSR Academy of Sciences from Leningrad to Moscow”, *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 3, 2022, pp. 726–741. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.313> (In Russian)

Abstract: The article explores the economic and housing support in the transfer of the USSR Academy of Sciences from Leningrad to Moscow in the 1930s. The relocation of the institutions of the Academy and affiliated groups was an important vector of changes in the geography of the Soviet scientific and technological map in a key period for its formation and development. Taking into account differences in the economic support of various groups (academicians, researchers, staff, the young scientists), inequality in the distribution of apart-

ments is an interesting facet of the social history of the Soviet scholarly community. It demonstrates its "material world", internal differentiation, and interaction with power in the context of "big projects". This story also demonstrates the disciplinary differences through variation in support for institutions of the USSR Academy of Sciences (geological, biological, chemical and physical and mathematical sciences) via apartments in Moscow, through the transfer of non-academic humanitarian scientific institutions to Leningrad. This story is also interesting from the perspective of architectural history: the project of building the Academy of Sciences was a part of the general plan for the reconstruction of Moscow (1930–1950) and contributed to the formation of its architectural look as a "scientific capital". The study was prepared on the materials from the Archives of the Russian Academy of Sciences, the State Archives of the Russian Federation.

Keywords: Academy of Sciences, USSR, scientists, life, inequality, housing issue, architecture, General Plan for the Reconstruction, Moscow.

The research was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project no. 20-78-1009 "Soviet science as an industry: personnel, infrastructure, organizational and managerial practices (1920–1970s)".

Author: Dolgova E. A. — Dr. Sci. in History, Professor, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); medievalis@list.ru

Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya pl., Moscow, 125047, Russia

References:

- Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — VKP(b) — CPSU. 1922–1991*, vol. 1: 1922–1952, comp. V. D. Esakov (Moscow, 2000). (In Russian)
- Chronicle of the Russian Academy of Sciences*, vol. 5: 1935–1950, ed. V. Yu. Afiani (Moscow, 2020). (In Russian)
- Graham L. R. *Science in Russia and the Soviet Union: A Short History* (Cambridge, 1981).
- David-Fox M. *Crossing borders: Modernity, Ideology, and culture in Russia and the Soviet Union* (Pittsburgh, 2015).
- Dolgova E. A. 'Housing issue for scientists: from a commune house to a housing cooperative', *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2021, no. 4. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.071>
- Dolgova E. A. 'Housing issue for the red professors', *Rodina*, 2017, no. 8. (In Russian)
- Elkina N. N., Gromova O. A. 'The failed housewarming: how the Library of the Academy of Sciences almost moved to Moscow', *Bibliotечноe delo*, 2003, no. 2 (2). (In Russian)
- Esakov V. D. 'Moving of the Academy of Sciences to Moscow' in *Moskva nauchnaia* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Esakov V. D. 'The headquarters of Soviet science changes its address', *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 1997, vol. 67, no. 9. (In Russian)
- House of Academicians: history and destinies*, ed. V. B. Naumov (St Petersburg, 2016). (In Russian)
- Knyazev G. A. *A brief outline of the history of the USSR Academy of Sciences* (Moscow — Leningrad, 1945). (In Russian)
- Konysheva E. V. *European architects in the Soviet urban planning era of the first five-year plans* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Mitryakova N. M. 'Moving to Moscow', *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1974, no. 2. (In Russian)
- Perchenok F. F. "The case of the Academy of Sciences" and "The great turning point" in Soviet science' in *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye AN SSSR* (Moscow, 1995). (In Russian)
- Petachenko G. A. 'The problem of housing rights of scientists of the RSFSR in the 1920s', *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2010. (In Russian)
- Polivanova A. *Postconstructivism: Power and Architecture in the 1930s in the USSR* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Tunkina I. V. 'Archive of the Russian Academy of Sciences and the transfer of the Academy of Sciences to Moscow in 1934' in *Millerovskie chteniia-2018: Preemstvennost' i traditsii v sokhraneni i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo nasledii* (St Petersburg, 2018). (In Russian)

Received: October 7, 2021

Accepted: May 8, 2022